«Товарный фетишизм и его тайна»

Category: Filosofiýa,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
«Товарный фетишизм и его тайна» «ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ И ЕГО ТАЙНА»

Стенограмма приводится в сокращенном варианте для удобства восприятия.
Сира Паскуаль: Добро пожаловать в «Школу кадров», постоянное место дебатов и дискуссий о марксистских текстах, где мы изучаем боливарианский и в целом латиноамериканский революционный процессы. Сегодня мы здесь с товарищем Нестором Коаном, а также с товарищами Валерией Фаринья и Крисом Гилбертом.
Мы собираемся изучать параграф 4 главы 1 «Капитала», который называется «Товарный фетишизм и его тайна». Отмечу также, что товарищ Нестор недавно опубликовал в Аргентине книгу, которая называется «Фетишизм и власть в мышлении Карла Маркса»[1]. Этот текст рекомендуется к прочтению, потому что он, конечно, углубляется в тему фетишизма больше, чем сможем сделать сегодня мы.

Итак, нам нужно подступиться к этому параграфу «Капитала» Карла Маркса. Нестор, не мог бы ты ввести нас в его проблематику?

Н.К.: Спасибо за приглашение. Мне трудно кратко изложить теорию фетишизма, поскольку она достаточно сложна. Есть мнение, что фетишизм – это ось материалистического понимания истории. Вообще, в марксизме нет единственного мнения по ключевым вопросам, и то, что я выражу, будет лишь моей точкой зрения. В той традиции, к которой я себя отношу, фетишизм – это именно стержень марксизма. На этих десяти страницах, находящихся в конце первой главы «Капитала» и читающихся

достаточно тяжело – нужно честно признать: текст непростой, – изложена материалистическая концепция истории, обобщена философия практики. Из чего она состоит? В основе своей она имеет критику капиталистического рынка и узаконивающих его институтов, а также академических (и не только) социальных учений.

Центральный тезис Маркса состоит в том, что когда есть рынок, существует не только эксплуатация и господство, но и происходит инверсия мира людей и мира вещей: вещи персонифицируются, обретают жизнь; их, скажем так, окружает магический ореол, – а люди и общественные отношения овеществляются, превращаются в предметы. Происходит процесс инверсии субъекта и объекта, людей и вещей. И что господствует при рынке и капитализме? Мир вещей, предметов. Предметы имеют куда большее значение, чем люди, и во всем их разнообразии Маркса интересуют прежде всего деньги, ибо для него это не просто вещь, но совокупность общественных отношений. В своем труде (и «Капитал» здесь выступает конечным пунктом всех его размышлений на протяжении десятилетий) для того, чтобы разгадать тайну денег, «всеобщего эквивалента», как он их называет, Маркс пытается изобразить длинный и сложный ряд исторических общественных форм. Он спрашивает: «Почему деньги являются тайной, почему деньги стоят больше, чем люди?» И, чтобы ответить на этот вопрос, пишет «Капитал». В капиталистическом обществе деньги царствуют, а люди подчиняются. Деньги – царь и бог. Там, где есть рынок и капитализм, истинный бог не в церкви, а на фондовой бирже, в частной собственности на средства производства.
Теория фетишизма – ядро «Капитала». Вокруг нее он выстраивает теорию стоимости, а теория стоимости, в свою очередь, является базисом, на котором стоит теория эксплуатации, или теория прибавочной стоимости, принципиальная теория устройства мировой капиталистической системы. В чем же суть фетишизма? Вещи становятся независимыми от своих создателей, объекты, созданные человеческим трудом, обретают собственную жизнь и, в конце концов, подчиняют создателей, подчиняют мир рабочего

класса. Этот процесс Маркс уже анализировал в молодости в другой работе — «Экономическо-философских рукописях», а тридцать лет спустя, в «Капитале», снова появляются подобные рассуждения. Схожи ли «Рукописи» и «Капитал»? Нет. Есть общие задачи — в обеих работах автор нацелен на критику капитализма, частной собственности на средства производства, эксплуатации, господства, отчуждения, — однако аргументация различается. В чем же разница? В «Рукописях 44-го года» для критики капиталистического рынка, капиталистической системы, эксплуатации и отчужденного труда, он использует очень неоднозначное выражение — понятие «человеческой сущности». Что такое отчужденный труд? Это потерянная «человеческая сущность». Предметы имеют ценность, люди ее не имеют. Чем ярче товар, тем глубже люди уходят в тень[2]. В «Капитале» он возвращается к размышлениям об этом, но здесь есть фундаментальное различие. Из его аргументации исчезает понятие «человеческой сущности», и появляется другая категория — категория общественных, а именно производственных отношений.

Откуда происходит фетишизм? Из того, что обозначается понятием, сложным настолько, что, признаюсь вам и зрителям, мне до сих пор весьма нелегко внятно изложить его содержание: это понятие — абстрактный труд. Оно является подлинным научным открытием Маркса. Фетишизм существует потому, что существует абстрактный труд. В этом принципиальная разница между Марксом и буржуазной политической экономией. Что такое абстрактный труд? Это общественное отношение, форму которого принимает человеческий труд в капиталистических рыночных условиях. Каковы его характеристики? Это непрямое общественное отношение. Производители, рабочие, весь мир труда социализируется только на рынке, в ходе обмена. Почему существует абстрактный труд? Потому что человеческий труд имеет двойственный характер: это труд, нацеленный на извлечение прибыли, и в то же время конкретный труд. Вот, например, пластиковый стаканчик. Есть рабочий, который производит его с помощью определенных технологий, однако произведенный предмет из пластика, служащий емкостью для воды,

в то же время является капиталистическим товаром: он производится не только для удовлетворения потребности, он производится для продажи на рынке и получения денег взамен. С точки зрения капиталистического рынка этот пластиковый стаканчик становится товаром, ибо он был произведен в условиях абстрактного труда, произведен для того, чтобы быть обменянным. Не знаю, сколько он стоит в Венесуэле, сколько стоит в моей стране, Аргентине, или какова его цена на мировом рынке, но знаю, что все думают: этот кусочек пластика имеет стоимость сам по себе. А на самом деле, говорит Маркс, он — продукт человеческой деятельности, и по той причине, что он был произведен в капиталистических рыночных условиях, в его стоимости кристаллизуется человеческий труд.

Крис Гилберт: Иногда в упрощенном, вульгарном марксизме говорится, что абстрактный труд — это затраченная энергия, и он осуществляется только на месте производства, не имея ничего общего с рынком; однако эта идея все же ошибочна, не так ли?

Н.К.: Это предмет огромной дискуссии, содержание коей, повторюсь, сложно изложить за столь короткое время; но можно выделить по меньшей мере две возможные интерпретации абстрактного труда.

Марксу приписывали открытие классовой борьбы — и это ложь, поскольку до него уже были историки, ее описывавшие; ему приписывали открытие эксплуатации, социализма — тоже ложь[3]. Что он действительно открыл, так это абстрактный труд, общую форму прибавочной стоимости и необходимость мощного напора рабочего класса для осуществления революции. Какое из них является основным с научной точки зрения? Абстрактный труд. Он гордился тем, что смог его открыть.

Так ли важен абстрактный труд для понимания фетишизма? И что же такое абстрактный труд? Затраты физической силы, износ мышц, мозга, исчерпание энергии. Это одна из интерпретаций. Другая добавляет, что дело не только в затратах энергии на работу (человек устает, и ему нужно спать, есть и т.д.): если

ограничиться определением абстрактного труда только лишь как исчерпанием энергии, возникает серьезная проблема. На протяжении всей истории человечества существовал труд, и на протяжении всей истории на него затрачивалась энергия. Согласно первой интерпретации получается, что абстрактный труд — нечто общее для всех эпох. Если абстрактный труд — субстанция стоимости, которая лежит в основе рынка, что мы получаем в итоге? Что рынок существовал всегда. Тогда мы, марксисты и революционеры, лишаемся каких-либо перспектив. Если рынок и капитал существовали всегда, невозможно двигаться к социализму. Но вторая интерпретация гласит: нет, физиологические затраты человеческих сил в трудовом процессе суть, скажем так, основание абстрактного труда, но это не его основное содержание, не его главная характеристика. В чем тогда заключается главная характеристика? В том, что это труд, который осуществляется в условиях непрямого общественного отношения. Проще говоря, он не планируется. Представим, что мы производители; мы не выясняем, каковы общественные потребности, чтобы производить исходя из них. Рынок регулирует a posteriori, после обмена, сколько, как и что мы производим. И предприятия ведомы поисками прибыли, а не общественными потребностями. Давая определение абстрактному труду, вторая интерпретация заключает: он — не только затраты энергии, потому что иначе все было бы одинаково для всех исторических эпох. И цель «Капитала» Маркса — показать, что капитализм есть исторически конкретная общественная формация, что она не является общей для всех эпох. Если бы капитал существовал всегда, то революционеры не имели бы возможности бороться. Он хотел показать, что капитализм — это переходная форма.

С.П.: «Товарный фетишизм и его тайна» — это четвертый параграф первой главы «Капитала», но единственное ли это место в книге, где появляется тема фетишизма? И еще один вопрос: поскольку мы говорим о товарном фетишизме, также приходится затрагивать фетишизм капитала, денег, которые суть товар, но товар особый…

Н.К.: На протяжении длительного времени один француз, очень

знаменитый в свое время, Луи Альтюссер, чья латиноамериканская ученица Марта Харнеккер была и остается очень известной на нашем континенте, настаивал на том, что теория фетишизма — этакая инкрустация «Капитала», причем украшающая его лишь в начале и лишь в качестве некой ностальгии по юношеским философским увлечениям Маркса, от которых он отошел в зрелости. Более того, Альтюссер рекомендовал не обращать на нее внимания и читать «Капитал» дальше, пропуская данный раздел. Сегодня, думаю, существует достаточно прочный консенсус среди исследователей по поводу того, что теория фетишизма проходит через весь «Капитал», присутствует во всех частях. Так, она есть в начале, в этом параграфе, таком коротком и таком трудном, а также и в третьем томе, в 24 главе, где Маркс говорит о банковском проценте, который сегодня правит миром. Также она есть в 48 главе, где говорится о формах дохода и «триединой формуле», как это называет Маркс, иронически используя религиозное выражение. И еще она есть в приложении к четвертому тому «Капитала» под названием «Критическая история прибавочной стоимости».

Существует товарный фетишизм, но есть также фетишизм денег, есть фетишизм капитала, и есть высшая степень фетишизма, говорит Маркс: банковский процент. Некто кладет 100 долларов, 100 евро, 100 боливаров, 100 песо в банк, и через месяц там появляются 110. Волшебным образом деньги разрослись, как разрастается растение. Сами по себе. Никто их не трогал, никто ничего не делал. Капитал генерируется сам собой. Он самооплодотворяется и порождает жизнь. Маркс говорит, что это — высшая степень фетишизма, и сейчас, в XXI веке, через много лет после Маркса, она распространилась в глобальном масштабе. Почему деньги правят миром, а капитал в своей денежной, финансовой форме создает иллюзию, что он самовоспроизводится даже вне человеческого труда, независимо от трудовой деятельности миллиардов людей со всей Земли? 10 единиц, что ты получаешь в конце месяца, если положил 100, в действительности созданы человеческим трудом. Это часть прибавочной стоимости, часть денег, не заплаченных хозяевами рабочим. Таким образом, банковский процент, который сегодня управляет миром, на самом

деле является следствием эксплуатации рабочего класса.
Имеет ли фетишизм влияние на повседневную жизнь? Я считаю, что да. В Аргентине, например, в вечерних новостях рассказывают: «Сегодня рынок был спокойным, сегодня рынок был нервным, сегодня рынок был депрессивным». Куча характеристик человеческого состояния, приписываемых движению капиталов и денег! Как если бы деньги и капитал были людьми. Деньги и капитал не могут ни влюбляться, ни грустить, ни сердиться, ни напрягаться, ни страдать от нервов. Нет, нет и нет! Это фетишизм чистой воды, но в повседневной жизни мы привыкли думать: рынки, мол, решили, — пусть повысится цена на молоко или на хлеб. Рынки решили! Будто деньги и капитал функционируют сами, без людей. И мне кажется, что «Капитал» полностью обнажает, обезоруживает и оспаривает это заблуждение, которое в мире информационных монополий распространяют медиа-компании, а в научном мире защищают как неолиберальные, так и кейнсианские экономисты. И те, и другие — фетишисты. Мы, марксисты, являемся критиками не только неолиберализма, но и кейнсианства. Главный политический вывод теории фетишизма в том, что весь капитализм — это дрянь. Нет «хорошего» или «плохого» капитализма, «разумного» или «дикого» капитализма. Нет, капитализм есть капитализм. И нужно бороться против всех его форм. Это — политический вывод теории фетишизма.

С.П.: Нестор, я бы хотела, если ты позволишь, вернуться к тому, чего ты коснулся ранее, ведь мы изучаем некое историческое явление, которое имеет место в определенный момент и при определенном способе производства, в рыночном обществе. Ты упоминал, предшествующие общества имели рынки, но мы говорим о рыночном обществе, капиталистическом обществе. Может, поведем беседу в этом направлении?

Н.К.: Мысль Маркса состоит в том, что да, действительно существовали формы рыночного обмена, предшествовавшие капитализму, однако они были маргинальными. Например, в обществах ацтеков, инков, майя (если брать великие культуры и

цивилизации Латинской Америки): до того, как прибыли европейские колонизаторы, и континент был насильственным образом инкорпорирован в мировой капиталистический рынок, там уже существовали формы рыночного обмена. Что же, капитализм существовал всегда? Нет, потому что эти формы рыночного обмена не были ключевыми. В докапиталистических формациях основная масса производства была направлена на удовлетворение общественных потребностей, и то, что оставалось неиспользованным, в излишке, обменивалось. Но подавляющее большинство из того, что производилось, было нацелено на прямое удовлетворение общественных и человеческих потребностей. При капитализме схема переворачивается: большее количество, чтобы не сказать все, что производится, направлено на рынок, направлено на продажу для получения в обмен прибавочной стоимости, прибыли. Таким образом, при капитализме существует общественное отношение, очень далекое от отношений предшествующих способов производства. Поэтому Маркс настаивает на том, что капитализм есть исторический способ производства, который не существовал всегда, а посему однажды может быть уничтожен – и при этом ни за что не погибнет сам. Его нужно разрушить, снести. Он имеет внутренние противоречия, которые в определенных исторических ситуациях могут быть использованы революционерами как условие для осуществления перемен, революционного процесса.

Валерия Фаринья: Нестор, и как же тогда порвать с овеществлением, чтобы суметь преодолеть этот отвратительный режим производства, при котором мы выступаем товаром, при котором человек привыкает жить несчастным и отчужденным?

Н.К.: Один пример. Пример от моего друга, архитектора; он не был ни марксистом, ни революционером, ни социалистом, но сказал однажды с удивлением и ужасом: «Работаешь ты в фирме, и когда она подсчитывает убытки, понесенные к концу месяца, делает это так: столько-то мешков цемента, столько-то мешков извести, столько-то кирпичей, столько-то рельсов, столько-то погибших рабочих, столько-то проводов. И ставят в колонку

материальных потерь смерть рабочего, каменщика, который упал с лестницы». Он, не будучи ни марксистом, ни революционером, сказал: «Я в ужасе от того, что они числят людей наряду с вещами».

Капитализм так работает. При капитализме мы все — заменяемый, одноразовый материал, хотя пропаганда твердит: «Компания работает ради вашего благополучия». Нет, она не работает, а эксплуатирует чужой труд с целью получения прибыли, и мы, люди, суть вещи для капиталистов. Нас использовали в качестве вещей всю жизнь, нас всю жизнь унижали. И дело не в том, что есть «плохие» капиталисты. Сама система функционирует таким образом.

Как покончить с этой дрянью? Здесь Маркс очень радикален. Он говорит: покончить с фетишизмом нельзя лишь написав хорошую книгу о нем, хотя сам как раз такую и написал. Не поможет также ни выпуск хорошей передачи про марксизм, ни хорошая кафедра имени Че Гевары, посвященная изучению марксизма, нет: единственный способ покончить с фетишизмом — это революционный процесс. Это не отменяет важности книг, кафедр, передач. Просто единственный возможный способ — это осуществление кардинальной перемены в том, что является основой фетишизма. Потому что фетишизм — не обман разума. В этом состояло печальное заблуждение многих марксистов, хороших людей с верными взглядами, которые, однако, с моей точки зрения, в корне не поняли «Капитала». Полагать, будто фетишизм есть лишь вид иллюзии, идеологический феномен — будто, если мы его исчерпывающе объясним, то тем самым и преодолеем, — критическая ошибка. Это очень наивный взгляд, предшествовавший Марксу и типичный для просвещенных людей европейского XVIII века, согласно которому невежество народа преодолевается хорошим разъяснением, когда ученые — просвещенное меньшинство — растолковывают невежественным массам, как устроен мир, и этим кладут конец фетишизму. Маркс от такого умирал со смеху.

Если мы не порываем с общественными основами фетишизма, он воспроизводится. Предположим, что сейчас в некой стране смогли

уничтожить капитализм, разбить полицию и армию, потом вторгаются янки, их тоже разбивают, и начинаем переход к социализму. Фетишизм исчез? Нет. Битва продолжается. Потому что фетишизм — не только лишь обман разума. Он пребывает в основании социальных связей. Так как с ним покончить?

У Че Гевары была гипотеза[4] (под которой подписались многие другие люди, и я тоже подписываюсь), согласно которой единственным способом уничтожения фетишизма при переходе к социализму является планирование всего общественного производства. И здесь начинается другая дискуссия, на которую у нас здесь нет времени. Как происходит планирование? Кто управляет? Три инженера, три технократа, которые хорошо знают математику? Или рабочий люд как коллективный субъект? Я думаю, что не может существовать социалистического планирования без ведущей роли народа. Так или иначе, при переходе к социализму единственный способ покончить с фетишизмом — это планирование. И Маркс использует понятие планомерного распределения[5], дает исторические примеры и рассуждает о том, что было бы с человеком, оказавшимся на острове, что происходило бы в средневековом аграрном обществе, и предлагает в качестве гипотезы, что когда-нибудь в будущем мы преодолеем капитализм и сможем построить общество, где люди не будут связаны друг с другом ни через насилие, ни через частную собственность, но через свободное объединение. Будет ли тогда фетишизм или нет? Маркс говорит: если бы свободно объединившиеся люди, производители и производительницы, могли бы регулировать свои социальные связи через планирование, а не через деньги и рынок, то только тогда они смогли бы преодолеть фетишизм. После всех испытаний, что мы прошли в XX веке, дискуссия остается открытой: какой тип планирования необходим — демократический и коллективный или технократический и бюрократический? Мы полагаем, что выход для Венесуэлы, для Кубы и для всех, кто хочет пытаться взять крепость капитала, возможен через демократическое и коллективное социалистическое планирование. И ни в коем случае не через рынок. Пытаться прийти к социализму при помощи рынка — значит совершать

самоубийство.

В.Ф.: Ты относишь себя к течению философии практики, которая в качестве основы социальной критики предлагает теорию фетишизма. Что имеется в виду, когда вы говорите, что теория фетишизма – это центральная теория в марксизме, и почему вы так считаете? Я задаю тебе этот вопрос, потому что у меня считаю, что марксово понимание мира – цельное и многогранное, и когда приоритет отдается одной его теории или другой (скажем, теории прибавочной стоимости или теории государства и т.д.), в итоге искажается цельная концепция.

Н.К.: Я забыл сказать в начале, и скажу это уже сейчас, говоря о философии практики и тех, кто привнес в нее много важного, что мой друг, бразильский товарищ Рейналду Карканьолу[6] – недавно он умер от рака, и я хотел бы его помянуть таким образом – поднимал тему фетишизма в этой передаче[7], и он тоже принадлежал к этому течению. Не только он, в него входили великие революционеры человечества. Лукач в своей знаменитой книге «История и классовое сознание» и менее известный большевистский руководитель и мыслитель Исаак Рубин также провозглашали этот тезис; чешский товарищ Карел Косик, Роман Роздольский[8] – словом, многие соглашались с этим. И я разделяю этот взгляд.

Возьмем предисловие к «К критике политической экономии». В этом предисловии Маркс использовал метафору, которая стала очень известной (и в Венесуэле в очень интересной книжке о литературном стиле Маркса товарищ Лудовико Сильва[9] предпринял попытку объяснить, что это просто метафора, а не научная категория[10]). В чем заключалась эта метафора? В том, что человеческое общество похоже на здание, которое имеет фундамент – экономику – и кровлю – политико-юридическую надстройку и связанные с ней формы общественного сознания. Обыкновенно это предисловие принималось как синтез главных марксизма. Чем, в таком случае, является марксизм? Теорией экономической структуры, экономического базиса, экономического фактора в истории. Я и вся традции философии практики не

согласны с упрощением марксизма до теории факторов. Мы думаем, что сравнение капиталистического общества со зданием, представление о том, что существуют базис и надстройка, было в самом деле лишь метафорой. Реальная жизнь и капиталистическое общество – это тотальность общественных отношений.

Какой же текст, содержащий синтез идей марксизма, можно посоветовать товарищу, вступившему в революционные ряды, с чего ему посоветовать начать? Хоть отрывок, которому посвящена передача, «Товарный фетишизм и его тайна», сложен и труден для чтения, в нем содержится суть всей марксистской теоретической системы. В нем нет никаких архитектурных метафор. Капитализм – это совокупность общественных отношений, очень сложных, антагонистических, которые не просто охватить. Здесь Маркс выдвигает гипотезу о том, что в капиталистическом обществе Нового времени больше сложности, больше неясности в принципах его функционирования, чем в предшествующих общественных формациях. А в «Манифесте Коммунистической партии» он высказывал обратную гипотезу: вся предыдущая история человечества была покрыта мраком, и лишь с приходом капитализма она прояснилась, лишь теперь мы четко видим, как функционирует эксплуатация. В «Товарном фетишизме» он ставит собственное мнение с ног на голову; но почему? Потому что пишет «Капитал» после поражения европейских революций 1848-49 гг. Эта книга написана не в период подъема революционного движения, исторического оптимизма, как «Манифест Коммунистической партии», но в период спада. В этом контексте Маркс осознавал, что осмыслить основы капиталистического рынка не так просто. Имеется огромное количество неясностей, преград, сложностей. Необходимо объяснить, как устроены фондовая биржа, страховой риск, финансовые пузыри. Для этого необходима критическая теория и революционные движения.

Почему теория фетишизма является синтезом марксистских идей? Потому что с его помощью Маркс бьет в самое сердце капиталистического рынка. И намного глубже в него погружается, чем в предисловии 1859 г., содержащем простые, но не

соответствующие всему наследию Маркса образы: базис и надстройку. Что выводится из последней схемы? Видение, где ключом ко всему является экономический фактор. А что выводится из первого представления? Более сложная картина, в которой социальное изменение происходит в результате политической, экономической, культурной борьбы, потому что капитализм господствует над нами во всем. Ответ не лежит лишь в экономической сфере. Прежде всего потому, что не существует экономических факторов как таковых. Есть общественные отношения, и наша борьба должна вестись во всех плоскостях. Прочтение марксизма философией практики — это прочтение, критическое по отношению к экономизму.

К.Г.: Нестор, ты писал об этом в одной из первых своих книг, «Маркс в своем (Третьем) мире»[11], и я хотел бы спросить: есть ли необходимая связь между теорией фетишизма Маркса и критикой европоцентризма?

Н.К.: Думаю, что связь есть, потому что наиболее европоцентристские интерпретации Маркса рисуют карикатуру, где он является наивным апологетом Британской империи. Да, в Аргентине об этом серьезно говорили! В частности, один очень популярный философ, постоянно выступающий по аргентинскому телевидению, говорит, что Маркс — это прежде всего мыслитель Британской империи, потому что где-то якобы сказал: «Британское вторжение в Индию, конечно, сомнительно с точки зрения этики, но ведь оно, в конце концов, несет туда прогресс». Это очень европоцентристский взгляд.

Говорят также, что Маркс не понимал ситуации в Латинской Америке. В этом явно европоцентристском прочтении Маркс является апологетом уже общеевропейского Нового времени — критичным, но все же явным его поклонником. С другой, точки зрения, которой придерживаюсь и я, наоборот, Маркс является очень полезным мыслителем для революционной теории «третьего мира», периферии, где европейское Новое время не является ключевым вектором. Мы, марксисты, критичны по отношению к идеологии и капиталистической практике новейшего времени, но и

Нового тоже. А теории фетишизма содержится очень жесткая критика принципов Нового времени. Там, где Маркс говорит, что в современном капиталистическом рыночном обществе намного больше идеологических завес и теологии, чем в средневековом готическом соборе. Теория фетишизма позволяет людям, участвующим в революционном процессе в «третьем мире», быть критичными по отношению к европейскому Новому времени, при этом не отказываясь от его достижений. Иметь диалектический взгляд на Новое время и не быть его наивными апологетами. Ведь социалистическая революция добивается не облагораживания принципов Нового времени – она добивается их преодоления.

Январь 2015 г.
Перевод Алексея Целунова, Владислава Федюшина и Никиты Белобородова под редакцией Дмитрия Пономаренко и Дмитрия Субботина
[Видео передачи]

По этой теме читайте также:
«Философия практики сегодня»
Нестор Коан
«“Марксизм – распахнутый мир”»
Нестор Коан
«Рыночная мистификация в капиталистических обществах и обществах рыночного социализма»
Бертел Оллман
Примечания
1. Kohan N. El fetichismo y el poder en el pensamiento de Karl Marx. Buenos Aires, Editorial Biblos, 2013.

2. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс говорит: «Чем больше ценностей он [рабочий] создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства».

3. Возможно, отсылка к знаменитому письму Маркса Иосифу Вейдемейеру, в котором он подчеркивал: «Мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою.

Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов».

4. См. напр.: Че Гевара, Э. Социалистическое планирование, его значение. / Че Гевара Э. Статьи, выступления, письма. М. 2006. С. 419–432; Че Гевара, Э. Против бюрократизма. / Там же. С. 178–185.

5. Маркс предлагает представить «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу».

6. Рейналду Карканьолу (1945–2013) — бразильский экономист и философ-марксист. Значительную часть своей деятельности посвятил политэкономическим исследованиям в области устройства капиталистической системы, также критиковал современных реакционных интеллектуалов, в частности, постмодернистов. Основные работы: «Развитие капитализма в Коста-Рике» (“Desarrollo del Capitalismo en Costa Rica”, Costa Rica, 1981), «Диалектика товара и теория стоимости» (“Dialéctica de la Mercancía y Teoría del Valor”, San José, 1982).

7. https://youtu.be/ITuk7AHPOsY

8. Роман Осипович Роздольский (1898–1967) — украинский и австрийский революционер и историк-марксист. Занимался социально-экономической историей, историей европейских общественных и революционных движений, а также историей марксистской мысли. Наиболее важными трудами считаются: «К истории создания марксова “Капитала”» (“Zur

Entstehungsgeschichte des Marxschen “Kapital””, сборник эссе, впервые опубликованный после смерти), «К национальному вопросу: Фридрих Энгельс и проблема “неисторических” народов» (“Friedrich Engels und das Problem der ‘geschichtslosen’ Völker”, 1934). В разное время являлся членом Коммунистической партии Восточной Галиции, Коммунистической партии Западной Украины (из которой был исключен в 1929 г. за поддержку левой критики ВКП(б)) и Коммунистической партии Австрии. Во время Второй мировой войны активно участвовал в Сопротивлении в Польше, с 1942 по 1945 гг. находился в концлагерях.

9. Лудовико Сильва (1937–1988) – венесуэльский писатель, поэт, эссеист и философ, один из наиболее влиятельных и уважаемых левых интеллектуалов Венесуэлы второй половины XX века. Оспаривая догматический диамат советских учебников и закостенелость вульгарных версий марксизма, написал целый ряд критических работ, посвященных марксистской теории и практике, проблемам идеологии и контркультуры, таких, как упоминаемая здесь книга «Литературный стиль Маркса» (см. след. комментарий), «Идеологическая прибавочная стоимость» (“La plusvalía Ideológica”, 1970), «Контркультура» (“Contracultura”, 1980), «В поисках утерянного социализма» (“En busca del Socialismo perdido”, 1988). Занимался также вопросами педагогической теории.

10. Silva L. El estilo literario de Marx. 1975. P. 57–67.

11. Kohan N. Marx en su (Tercer) mundo. Hacia un socialismo no colonizado. Buenos Aires: Editorial Biblos, 1998.

Нестер КОАН. Filosofiýa